

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.1

СТРУКТУРАЛИЗМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Д.А. Аникин

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: dandee@list.ru

С появлением структуралистской и постструктуралистской версий философии истории (обнаруживаемых, в частности, в истории ментальностей) впервые был осуществлен разрыв с существовавшей столетиями старой эссенциалистской традицией. В рамках постструктуралистского взгляда на историю целью больше не является интеграция, синтез исторического и вся тотальность истории, но в центр внимания попадают именно исторические ответвления, тупики истории.

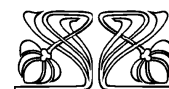
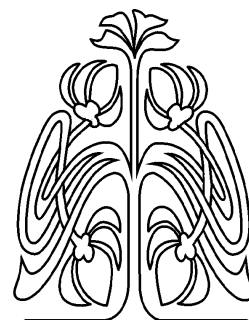
Structuralism and Poststructuralism in the Philosophy of History

D.A. Anikin

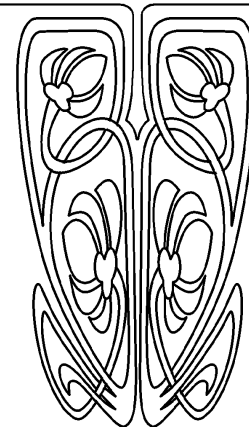
With the structuralizes and poststructuralists philosophy of history found in particular in the history of mentalities, a break is made for the first time with centuries-old essentialist tradition. Within the poststructuralist view of history, the goal is no longer integration, synthesis, and totality, but it is those historical scraps which are the center of attention.

Если понимать под структурой термин, определяющий целое, части этого целого и отношения между частями, то необходимо признать, что понятие структуры было известно еще античной философии. Например, Аристотель использовал понятие формы, которое по своим сущностным характеристикам очень схоже с понятием структуры. Форма у Аристотеля характеризуется тремя основными чертами: морфе (morfe), эйдос (eidos) и усия (ousia)¹. Морфе – внешняя, физическая форма объекта; усия – «сущность» объекта, совокупность его сущностных характеристик, которая создается соединением материальной основы объекта с одухотворяющей ее идеей (эйдосом). Эйдос – самая противоречивая часть формы, потому что Аристотель не помещает его вовне предмета, как Платон, а называет эйдосом интеллигибельную структуру предмета, его умопостигаемую модель². Сложность в понимании эйдоса парадоксальным способом предопределила неустранимую двойственность самого структуралистского подхода, в котором понятие структуры оказалось применимым как к самому предмету исследования, так и к его модели, воссоздаваемой в своем сознании познающим субъектом.

Начало формирования собственно структуралистской методологии датируется выходом в свет в 1913 г. «Курса общей лингвистики» швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, в котором содержатся две интенции, фундаментальные для последующего развития этого метода. Во-первых, рассматривая язык как упорядоченную от простейших до сложных уровней систему знаков, Соссюр полагает источник его способности обозначать и выражать

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нечто только во взаимосвязи каждого элемента с другими, включенности элементов в определенную систему отношений. Тем самым была намечена резкая антитеза как позитивистскому атомизму, пытающемуся выделить «конкретные языковые сущности», элементарные единицы значения, из которых складывается язык, так и эволюционной лингвистике, игнорирующей синхронический аспект изучения языка в пользу диахронического. Во-вторых, Соссюром было выдвинуто стратегически важное положение об отсутствии субстанции языка: даже на уровне простых звуков мы сталкиваемся не с частицей «материи» языка, а с парами взаимоотрицающих элементов, деструктивными фонемами, чистым, без носителя, различием (позже у К. Леви-Стросса, в более широком смысле, различие будет выявляться в форме бинарных оппозиций). Интересно, что сам Соссюр практически не употреблял термин «структура», который стал так популярен у его последователей, предпочитая использовать термин «система»: «Язык – это система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной взаимосвязи»³.

На первом этапе своего существования структурализм существовал исключительно в качестве метода лингвистического анализа – именно в этом качестве можно считать структуралистом В.Я. Проппа, который рассмотрел в своих работах структуру волшебной сказки и героического эпоса⁴. Несколько позднее, в 60-х гг. XX в., именно структурализм выступил в качестве методологического основания «новой критики», объединившей под своим знаменем представителей различных направлений гуманитарного знания – от феноменологов до неофрейдистов. Структурализм в анализе текста позволил освободить литературную критику сразу от трех господствующих в ней направлений, дискредитировавших свою возможность интерпретации литературного произведения. Речь идет о романтическом психологизме Сент-Бёва, отождествлявшим смысл произведения с творческим замыслом автора; интуитивизме А. Бергсона и В. Дильтея, предлагавшем индивидуальное «вчувствование» в текст, пропускание его через собственные ощущения и воспоминания; и, наконец, позитивизме, доказавшем свою неспособность к восприятию модернистских произведений еще в начале XX в.

Примерно в это же время структурализм, уже претендующий на звание ведущего интеллектуального течения не только во Франции, но и во всей Европе, постепенно начал терять свое методологическое единство, что проявилось в появлении «жесткого» и «умеренного» течений. Представители «жесткого» структурализма (к которым относился и К. Леви-Стросс) стремились под эмпирической оболочкой феноменов культуры выявить лингвистический («структурный») характер этих феноменов, формализовать многообразие культурных составляющих для выделения общих принципов организации и функционирования. Убежденность в онтологическом существовании структур и стремление подвести под определенные принципы структурной организации любой феномен делали именно это течение в структурализме наиболее рационалистичным и даже позитивистским по своим познавательным установкам. По словам Г.К. Косикова, различие между «жестким» вариантом структурализма и классическим позитивизмом состояло в смене каузального детерминизма детерминизмом имманентным, но оттого не менее жестким⁵. «Умеренный» структурализм, представленный Ж. Женеттом и Ц. Годоровым, оказался, с одной стороны, более восприимчив к междисциплинарным влияниям (начиная от русской «формальной» школы и заканчивая немецкой «морфологией культуры»), а с другой – сосредоточен на анализе структуры текста, а не на выявлении аналогичных структур за пределами литературного произведения.

Дальнейшая история структуралистского подхода связана с постепенным расширением сферы его применения на область социального – и здесь необходимо обратить внимание на значимую для всей европейской философской мысли фигуру Клода Леви-Стросса.

Выдающийся французский этнограф и социальный антрополог Клод Леви-Стросс стал не просто одним из самых знаменитых представителей структуралистского течения в гуманитарных науках, но и, пожалуй, единственным, кто продолжал отстаивать догматы структурализма даже в то время, когда его последователи (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) провозгласили наступление постструктура-

листской эры. Впрочем, сам Леви-Стросс и не причислял последних к «аутентичному» структурализму, замысел которого, по Леви-Строссу, состоял в переносе конкретно-научного метода структурной лингвистики на обширное поле культурологии в целях достижения в ней строгости и объективности по типу естественных наук⁶. Тем самым снималась бы ключевая для всего гуманитарного познания дилемма выбора метода исследования, поставленная еще в начале XX в. Генрихом Риккертом. Специфика французского варианта структурализма состояла в том, что он возник в качестве реакции на методологическое отставание гуманитарных наук и имел целью их модернизацию – перевод с эмпирико-описательного на теоретический уровень. Вместе с тем структуралистский подход с самого начала стремился избавить гуманитарные науки как от засилья естественно-научного каузализма, так и от умозрительных философских построений, которыми злоупотребляли последователи неокантианства и феноменологии⁷. Структуралистский метод, с равной вероятностью применимый как для естественно-научных изысканий, так и для гуманитарных исследований, позволял уравнивать эти области научных исследований путем внедрения единой методологии. Французский исследователь пытается выполнить эту задачу на материале этнографии, формализуя в терминах бинарной оппозиции и теории коммуникации системы родства примитивных народов, ритуалы, мифы и т.д. В своих работах он окончательно переносит структуралистский метод в онтологическую сферу, избегая тем самым непроясненности лакановского понятия структуры, но лишая свой анализ динамизма и историзма. Историзм, на протяжении всего XIX столетия господствующий в гуманитарных исследованиях, в структуралистском подходе изгоняется на обочину научных интересов, а в концепции К. Леви-Стросса вообще исключается из рассмотрения, как в отношении субъекта, так и в отношении объекта исследования.

Для того чтобы разобраться, почему структурализм, доведенный до своего логического предела в трудах К. Леви-Стросса, оказался не только невосприимчив к идее истории, но и практически исключил само понятие исторического развития из сферы сво-

его анализа, необходимо выделить ключевые признаки структуралистского подхода. В качестве общефилософских оснований структуралистского исследования Г.К. Косиков выделяет два ключевых принципа, из которых выводятся все второстепенные черты, характеризующие структурализм в качестве метода филологического и культурологического анализа:

- 1) принцип структурного объяснения;
- 2) безличный, бессознательный характер структуры⁸.

Принцип структурного объяснения.

Выделение этого принципа в качестве основополагающего требует некоторого углубления в тот диалог относительно методов познания, который разворачивался между неопозитивистскими и неокантианскими философскими течениями на протяжении первой половины XX в. Если позитивизм стремился объяснить текст, используя номологический порядок причинности, т.е. стремясь подчинить любой уникальный случай некоему всеобщему закону, подвести индивидуальность под закономерность, то неокантианцы разработали в качестве фундаментальной оппозиции научному *объяснению* герменевтическое *понимание*. Отрицая наличие универсальных смыслов, которые с помощью естественно-научной методологии могли быть извлечены из исследуемого произведения, противники позитивизма делали упор на индивидуальное восприятие текста, возможность пропускания его через собственные переживания. Как уже говорилось выше, структурализм по своим познавательным установкам стремился к номологическому исследованию, стремился исключить из сферы своего анализа случайность и предвзятость, которыми страдала «понимающая» герменевтика В. Дильтея. Но закономерности, устанавливаемые структуралистским анализом, нельзя отождествить с позитивистскими закономерностями, и принципиальным моментом здесь является различие в понимании дихотомии части/целого. Источником позитивистского анализа всегда была опора на факт, который в специфических условиях того объекта исследования, каковым выступал литературный текст, мог распространяться на различные области действительности – от особенностей индивидуальной психологии автора до соци-

ально-экономических условий и предпосылок создания произведения. Продуктом позитивистского анализа в этом случае являлось создание упорядоченного континуума разнообразных фактов, приведенных в единую систему, которая должна была быть «непротиворечивой» и «объективной». Текст служил лишь «поводом» собрания фактов, каждый из которых, во-первых, имел внешнее по отношению к самому тексту происхождение, а во-вторых, являлся необязательным для текста, важным с точки зрения исследователя, а не самого произведения.

Структурализм ограничил область исследования самим произведением (позже этот пункт будет переосмыслен в постструктурализме), что автоматически сделало необходимым понимание под фактами лишь элементов произведения – действующих лиц, ситуаций, функций, сюжетных ходов и т.д. Эти элементы всегда присутствуют в произведении, но вопрос их выделения является результатом выстраивания структуры текста. Структура есть «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами»⁹. Факт (элемент) имеет место лишь в воссозданной структуре текста, он не существует до возникновения структуры, его границы и характеристика определяются внутренними законами структуры, соответственно оказывается действенным принцип системности, согласно которому «знание о целом не сводится к знанию о составляющих это целое частях».

Бессознательный характер структуры.

Классический западноевропейский рационализм базировался на декартовском принципе «*cogito ergo sum*», из которого происходили два важных вывода: во-первых, сфера человеческого сознания сводилась исключительно к ее рациональной части (разуму), а во-вторых, возможность объективного познания мира объяснялась рациональным устройством самого мироздания. Познающий субъект в этом случае отождествлялся не с конкретным эмпирическим человеком, а с трансцендентальным «эго», которое и служило априорной возможностью получения истинного знания. Неклассическая парадигма философствования подвергла критике это положение,

опровергнув допущение о тождественности мира познающему сознанию и выдвинув на первый план бессознательный пласт человеческого сознания. Конечно, приоритет в разработке тематики бессознательного следует отдать З. Фрейду, но структурализм, подчеркивая бессознательный характер выделяемых структур, выдвинул положение о структурированности бессознательного. Бессознательное структурировано, но наличие в нем некоей упорядоченности не осознается его носителями, подобно тому, как человек может спокойно разговаривать на родном языке, даже не задумываясь о его фонологической или грамматической упорядоченности.

Жак Лакан, будучи последователем психоаналитического течения, пытался встроить структуралистский анализ в исследование бессознательного, что привело его к неожиданным, но ценным результатам. Рассматривая человеческое поведение через призму универсальной дихотомии означаемого/означающего, Лакан приходит к выводу, что представление о том, что человек управляет своими высказываниями, является всего лишь иллюзией. Язык, представляющий собой «цепочку означающих», предстает орудием символического насилия над человеческим бессознательным. Структура языка навязывает бессознательному ту форму, которую оно принимает, – именно эту мысль Лакан выражает в знаменитом афоризме «Бессознательное структурировано как язык»¹⁰. Структура (имеется в виду структура языка) имеет у Лакана одновременно эпистемологический и онтологический характер, поскольку навязывает человеку форму выражения себя по отношению к миру и форму воссоздания мира с помощью языковых средств, которые и представляют собой единственную форму реальности, доступную познанию¹¹.

К. Леви-Стросс сумел придать структурализму окончательную теоретическую завершенность, предельно четко выразив в своих работах сильные и слабые стороны структурализма в качестве методологии исследования социальной реальности. Структурный характер объяснения выражается в социально-философском исследовании в виде выделения устойчивых общественных

структур, сохраняющих свое значение для обеспечения нормального функционирования социальных институтов при любом типе общественного устройства.

Для выделения подобных устойчивых структур различные типы обществ (или различные стадии одного и того же общества) подвергаются сравнению с целью уяснения тех элементов, которые в необходимом соприкосновении друг с другом придают обществу желаемую устойчивость. Казалось бы, выбор в качестве объекта исследования стадий развития определенного общества обеспечивает исследованию историческую направленность, но такое впечатление оказывается поверхностным. Дело в том, что сам момент историчности в структуралистском исследовании отсутствует, поскольку сравнению подвергаются различные состояния системы, вне зависимости от их хронологической расположенности. Исследователя интересует не последовательная смена социальных институтов или изменение отдельными элементами социальной структуры своих функций в рамках единого целого, но наличие в обществе устойчивой совокупности взаимосвязанных элементов, которая (даже при взаимозаменяемости самих элементов) продолжает оставаться неизменной вне зависимости от той стадии развития, на которой находится общество. Бессознательный характер структуры проявляется в ее неосознанности индивидом. Леви-Стросс предлагает в связи с этим пунктом различать социальные отношения, характер которых определяется как раз индивидом, и социальную структуру, которая может быть выделена лишь при непредвзятом и объективном исследовании общества¹².

Структура пронизывает все типы обществ и при отсутствии субстанциального носителя представляет собой единственный принцип сходства, позволяющий исследователю выводить из конкретных эмпирических форм идеальную пра-форму. Кроме того, Леви-Стросс осуществляет перенос понятия структуры из сферы методологической в сферу онтологическую: исследователь не использует структурную модель с целью упрощения многообразного объекта исследования, а выявляет ту структуру, которая изна-

чально присуща языку, мифу, ритуалу, системам родства и другим фрагментам социальной действительности.

Признание онтологического статуса структур в различных областях человеческой деятельности требует выявления принципа эквивалентности между этими структурами. Структура превращается в **мета-структуру** или, выражаясь словами самого Леви-Стросса, в «удел всякой умственной жизни всех людей во все времена». Структура наличествует в любом виде деятельности, не будучи обусловленной конкретными историческими или социальными условиями формирования этого вида деятельности, поскольку присутствие такой обусловленности делало бы ее производной от конкретной формы исторического развития или сферы человеческой деятельности, что логически противоречит самому определению структуры. Иначе говоря, структура, приобретая универсальный характер, становится метаисторической и метасоциальной, поскольку служит проявлением идеального в эмпирическом, вечного и неизменного – в временном и преходящем¹³. В свете этого положения искусственным и непоследовательным выглядит введенное Леви-Строссом выделение «холодного» (неисторического) и «горячего» (исторического) типов общества¹⁴. Вне зависимости от наличия идеи истории в рамках самого общества структурный анализ все равно обращает внимание на безличную и универсальную структуру, фиксируя параметры устойчивого положения системы.

Подводя итоги возможностям применения структуралистского метода в социальной философии и философии истории, следует указать на тот эвристический потенциал, который принесло его использование в конкретных исследованиях. Положительной стороной структурализма выступило уяснение взаимосвязи различных элементов общественного устройства, а также создание методологии сравнительного анализа различных типов общественного устройства на основании не внешних, случайных феноменов, а глубинных структурных характеристик. Вместе с тем изначально присущая структурному исследованию статичность не была устранена, что привело к односторонней и гипертрофированной картине социальной реальности.

Постструктурализм как литературно-критическое и философское направление сложился в русле структуралистских принципов, сделав своей целью избежание слабых сторон классического структурализма, которые выявились в процессе применения этой методологии на всем обширном поле гуманитарных и социальных дисциплин. Предтечей постструктурализма можно назвать французского философа и эпистемолога науки Гастона Башляра, который сумел продемонстрировать в своих работах (на примере общенаучного материала – с многочисленными аналогиями из физики и других естественных дисциплин) значимость происходящих в философии науки изменений, связанных с проникновением в гуманитарное поле идеи дискретности¹⁵.

Согласно У. Эко, слабость начального этапа структурализма заключалась в неразличении реальных объектов и идеальных моделей, иначе говоря, понятие структуры с равным успехом могло воссоздавать как внутреннюю логику какого-либо предмета или явления, так и логику его исследования¹⁶. Иначе говоря, выделяя в предмете исследования (будь то миф или социальная группа) определенную структуру, поступаем ли мы так, потому что эта структура имманентно присуща этому предмету, или потому что структурированная модель облегчает наше восприятие этого предмета, а все выявленные взаимосвязи существуют лишь в сознании, в то время как сам способ их существования обусловлен целями нашего познания.

В этом пункте проявилась, по мнению исследователей уже постструктуралистского толка, неспособность структурализма в полной степени избавиться от метафизичности классической философской традиции. Как ни странно, но даже в своих программных заявлениях о «смерти человека» и «конце истории» структурализм оставался продолжателем онтологизма всей предшествующей философии. Проявлениями этой зависимости или, точнее выражаясь, преемственности, стали следующие характеристики структурализма, подвергшиеся критике со стороны М. Фуко и Ж. Деррида: централизация, статичность и замкнутость текста. Оптимальным вариантом выявления различий между

структуралистской и постструктуралистской методологиями является рассмотрение их ключевых принципов в виде фундаментальных оппозиций:

1. Централизация – децентрализация.

Сама идея структурности с неизбежностью предполагает веру в наличие в этой структуре центра, каковым может выступать не столько определенный объект, сколько сам принцип структурирования (иначе говоря, в качестве центра может выступать и телеологическая идея, обуславливающая само существование структуры). Этот принцип был заимствован структуралистским подходом из классической философской традиции, в которой неизменным условием исследования является сведение всего многообразия явлений к одному упорядочивающему началу (редукционизм). Даже Гегель не сумел избежать следования этой универсальной метафизической предпосылке, поскольку его диалектическое «снятие», знаменующее собой процесс смены одной формы существования другой, является монистичным по сути: всякое «иное» продуцируется все тем же Мировым Духом, не оставляющим за своими пределами ничего, в том числе и различие.

В своих работах Ж. Деррида подвергает критике принцип обязательной централизации, именуя его онто-тео-телеоцентризмом и утверждая, что в отношении текста он находит проявление в так называемом «логоцентризме», требующим сведения текста к его структуре¹⁷. Центр, по мнению французского философа, может присутствовать в тексте в виде отсутствия, точнее, в качестве указаний на возможное присутствие в прошлом или в будущем, но «здесь и сейчас» текста (или истории, понимаемой в виде нарратива) является избавленным от «репрессивности централизации». Принцип различия позволяет структуре не замыкаться в своих пределах, а служит источником появления принципиально нового, не выводимого из предшествующих форм существования духа и материи¹⁸.

2. Статичность – динамичность. Структурный анализ, ставящий своей целью установление взаимосвязей между отдельными элементами текста, автоматически сосредоточивался на упорядоченном, статичном описании. Выявлению подвергались именно те

элементы и взаимосвязи, которые обеспечивают устойчивость системы (в качестве которой может выступать как литературный текст, так и общество), что не позволяло зафиксировать момент развития, динамичности, неизменно присутствующий в реальности. Ж. Деррида стал одним из первых критиков такого положения вещей, подчеркивая, что в пространстве текста, упорядоченном и структурированном, потенциальным источником инновационности служат те персонажи и фрагменты, которые не вписываются в общую структуру. «Именно так, где отсутствие показывает себя во всей красе, можно наблюдать нетождественность структуры самой себе»¹⁹. Иначе говоря, структура объединяет в себе разнопорядковые элементы, которые в исторической реальности могут сосуществовать друг с другом, а могут даже не пересекаться – в этом достоинство структурного анализа, но в этом и его недостаток, ведущий не только к отрицанию историзма, но и изменчивости вообще. Недооценивая диахронию, он не выработал аналитических инструментов, позволяющих объяснить внутренние переходы между сменяющимися друг друга историческими формами, поэтому Леви-Стросс изъясил из истории не только идею прогресса, но и вообще всякую динамику, что означает следующее: порвав с телеологической историей, структурализм сделал это за счет полного ее обездвижения.

Выход из подобной ситуации постструктуралистам видится в смене эпистемологии континуальности эпистемологией разрывов. Разрыв мыслится как переворачивание перспективы, поскольку в научном знании действует системно-структурный принцип, означающий, что знание организуется как целое, и в этом смысле характеризуется определенной замкнутостью, а поэтому его изменения неизбежно происходят взрывообразно, когда когнитивная система оказывается поставленной под вопрос и нуждается в замене ее новой – это и отмечается как разрыв или дисконтинуальность в развитии научного знания²⁰. Континуализм в науке (в частности, в истории) рождается в результате редукции исторического процесса к связному рассказу об этом процессе, который автоматически исходит из имеющегося на сегодняшний день результата, и потому не в состоянии

зафиксировать в полной мере имевшие место отклонения.

3. Замкнутость – открытость. Важнейшим из постулатов классического структурализма является априорная замкнутость произведения, поскольку только это условие дает возможность выявить структуру рассматриваемого текста, единство которого обусловлено смысловой интенцией – задачей внушения читателю определенного смысла. Но данное утверждение, замыкающее текст в собственных рамках и дающее волю субъективным оценкам его внутренней структуры, может быть и должно быть опровергнуто, так как текст не существует в безвоздушном пространстве: он либо ориентируется на ожидаемую реакцию читателя, либо сам выступает откликом на какое-либо утверждение, он соотнесен с другими текстами как целью своего создания, так и общностью использования литературных средств (тропов). В каждом тексте могут быть обнаружены скрытые цитаты и аллюзии, которые, будучи неосознанными даже сами автором, позволяют рассматривать любое произведение как уникальную точку пересечения различных дискурсов²¹. Текст превращается в постструктурализме в *интертекст*, что требует и адекватных ему методов анализа, поскольку поэтика не имеет ключа к интертексту, она способна описать лишь поверхностный слой текста, образованный авторским замыслом, но раскрыть подоплеку содержащихся в произведении смыслов способен лишь анализ, отвечающий трем основным условиям:

1) рассмотрение текста не как устойчивого смысла, но как места пересечения различных текстовых плоскостей, образованного диалогом писателя с читателем, а также учетом многочисленных контекстов произведения;

2) понимание интертекста как акта, поскольку интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов и выступает продуктом совместного творчества автора и читателя;

3) динамический характер, поскольку сама интертекстовая структура подразумевает реструктурирующую трансформацию всего имеющегося материала, постоянную выработку новых стратегий прочтения в отношении определенного текста.

Примечания

- ¹ *Аристотель*. Метафизика. М.; Л., 1934. С.31.
- ² Там же. С.32.
- ³ *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языковедению. М., 1977. С.152.
- ⁴ *Пропт В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998. С.12–15.
- ⁵ *Косиков Г.К.* «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С.7–8.
- ⁶ *Леви-Стросс К.* Язык и родство // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С.40.
- ⁷ *Косиков Г.К.* «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). С.5.
- ⁸ Там же. С.6.
- ⁹ *Косиков Г.К.* От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). М., 1998. С.25.
- ¹⁰ *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С.32–33.
- ¹¹ Психоаналитик имеет дело не с самим бессознательным, а с его воплощением в языке, которое не контролируется большим, а подчинено не зависящим от него структурам бессознательного. Подробнее см.: *Лакан Ж.* Семинары. Кн.5. Образование бессознательного (1957/58). М., 2002. С.14–18.
- ¹² *Леви-Стросс К.* Раса и история // Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000. С.328.
- ¹³ *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 2004. С.385.
- ¹⁴ *Леви-Стросс К.* Понятие структуры в этнологии // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С.290–292.
- ¹⁵ *Визгин В.П.* Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1997. С.43.
- ¹⁶ *Эко У.* Указ. соч. С.340–341.
- ¹⁷ *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С.355.
- ¹⁸ Там же. С.357.
- ¹⁹ Там же. С.358–359.
- ²⁰ В.П. Визгин соотносит это положение постструктуралистского анализа с концепцией научных революций Т. Куна. Подробнее см. *Визгин В.П.* Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы. С.40–41.
- ²¹ *Косиков Г.К.* От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). С.54.